

Каронинъ.

(Петропавловскій)

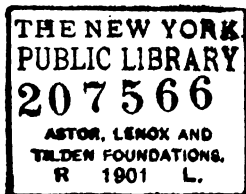
РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва М. Н. Мушнеръ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1890.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Разсказы о парашкинцахъ.

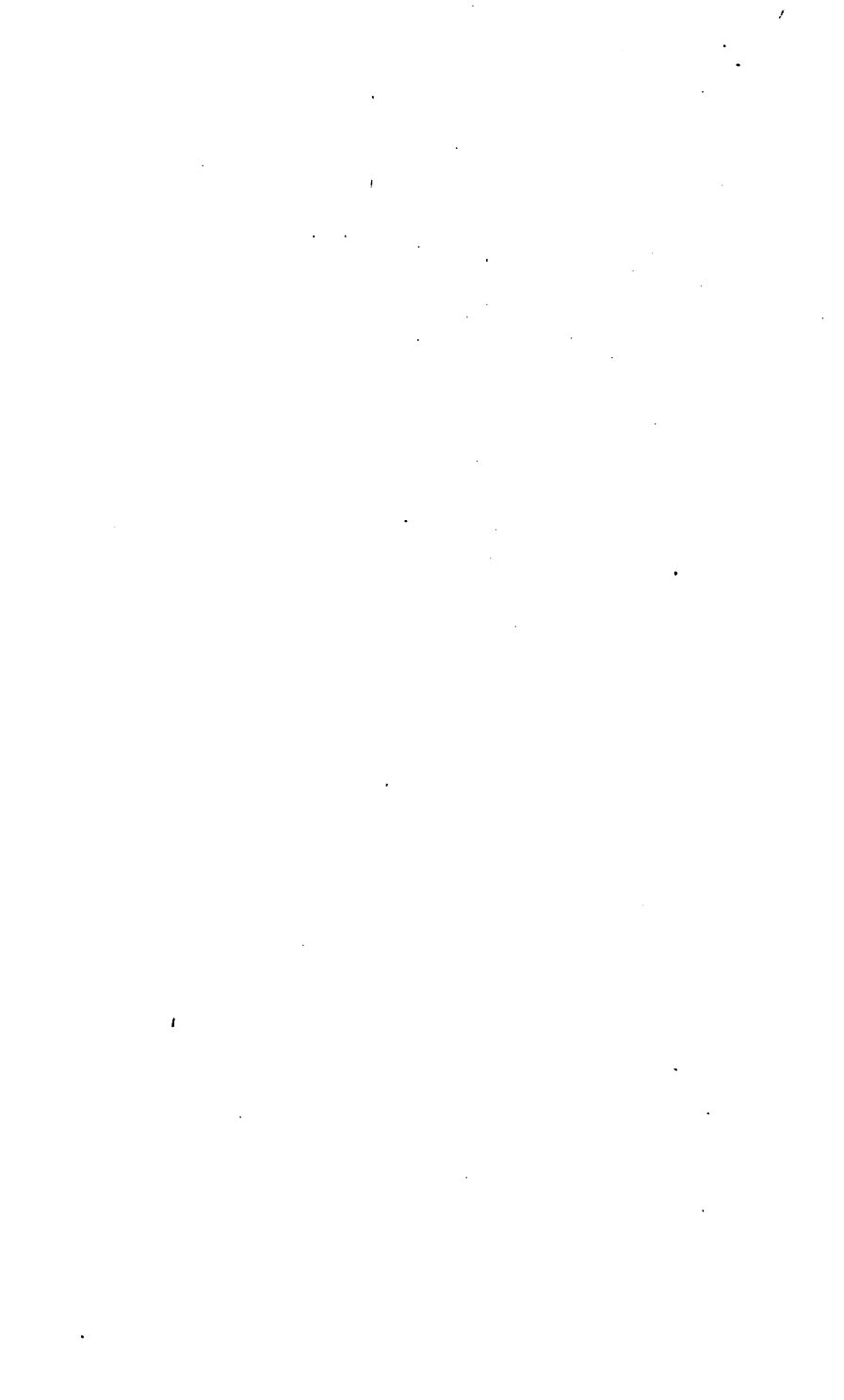
Стр.

I. Безгласный.	3
II. Ученый.	28
III. Фантастическіе замыслы Миняя.	44
IV. Вольный человекъ.	81
V. Последний приходъ Дёмы.	106
VI. Какъ и куда они переселились.	132

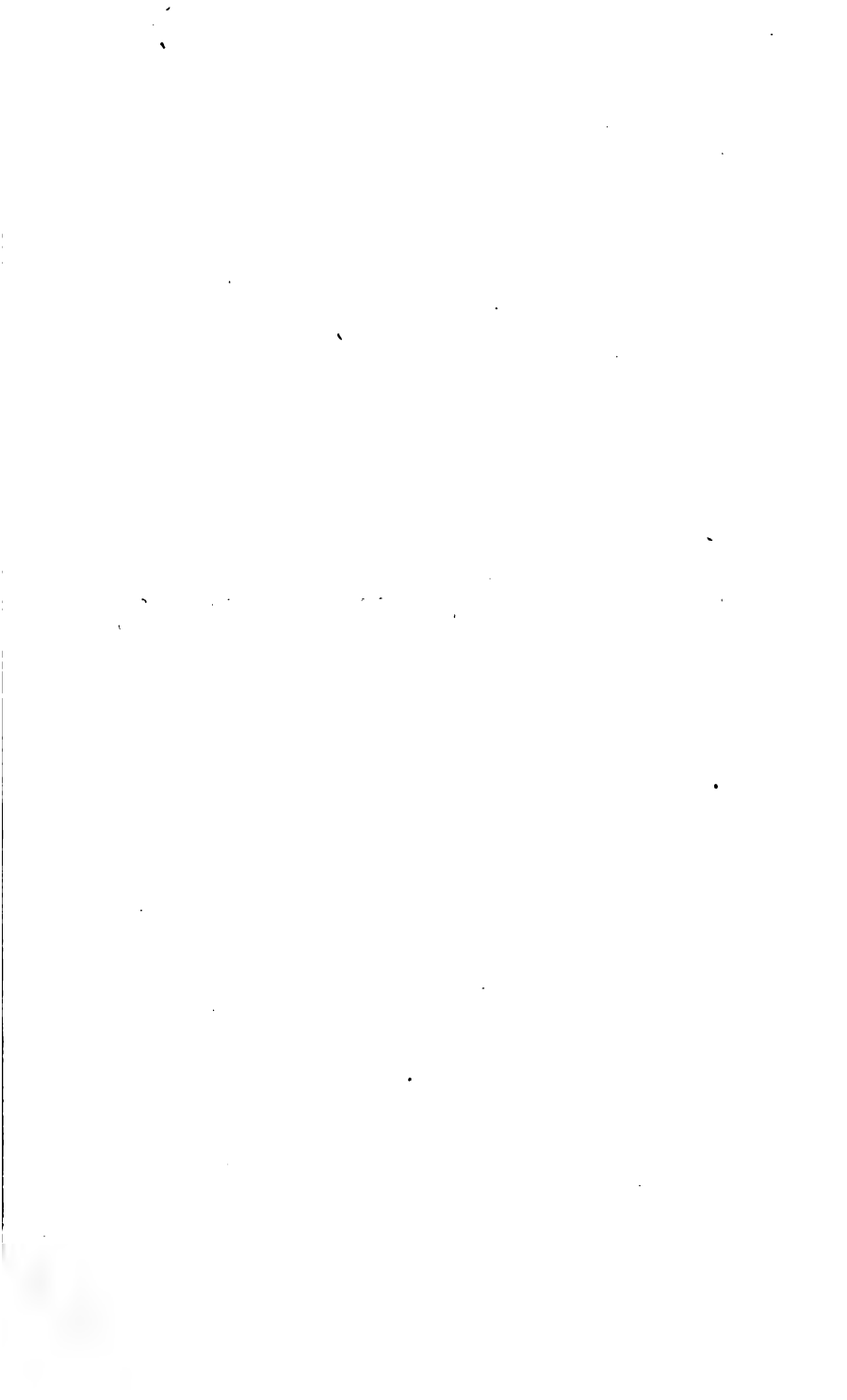
Разсказы о пустякахъ

I. Мѣшокъ въ три пуда.	154
II. Праздничныя размышленія.	180
III. Двѣ десятины.	209
IV. Нѣсколько колевъ.	242
V. Солома.	266
VI. Пустяки.	287

РАЗСКАЗЫ О ПАРАШКИНЦАХЪ.

БЕЗГЛАСНЫЙ.

Что онъ былъ безгласенъ—это пунктъ, противный мнѣнію всего Парашкинскаго сельскаго Общества, къ которому причислена была его душа, означенная въ ревизскихъ сказкахъ подъ именемъ Фрола Пантелѣева; и еслибы кто взялъ на себя смѣлость утверждать, что Фроль Пантелѣевъ мало пригоденъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется способность ходить по прихожимъ и умолять и сталъ бы приводить тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что Фроль Пантелѣевъ любитъ молчать, а при необходимости—выражаться кратко, то всѣ парашкинцы съ недоумѣніемъ опровергли бы подобную клевету, приводя многочисленныя свидѣтельства въ пользу Фроловой способности подвергать себя всѣмъ печальнымъ невыгодамъ гласности.

Послѣ того, какъ парашкинцы получили право открыто говорить о себѣ, при посредствѣ гласныхъ учреждений, Фроль, въ качествѣ единственнаго письменнаго человѣка на все общество, еженедѣльно доказывалъ свою письменность на дѣлѣ, такъ что извѣстность его, какъ письменнаго человѣка и, пожалуй, какъ ходатая, была настолько обширна и прочна, что онъ и самъ, въ концѣ-концовъ, убѣдился въ невозможности не писать и не тыкаться отъ одного начальства къ другому.

Въ просьбахъ о ходатайствѣ онъ отказъ считалъ невыносимымъ. Часто онъ предавался въ руки своихъ кліентовъ съ отчаяніемъ, потому что долженъ былъ бросать собственное хозяйство. Не было ни одного человѣка, который не зналъ бы его избы, стоявшей посреди села и подпертой съ двухъ сторонъ колышками, надо думать, не съ цѣлю архитектур-

ныхъ украшеній. Здѣсь, починивая обыкновенно сапогъ, расхулавшійся вслѣдствіе продолжительныхъ странствованій, онъ выслушивалъ мольбы своихъ посѣтителей; здѣсь онъ часто съ свойственной ему рѣшительностью говорилъ: «Провалитесь вы совсѣмъ! Возьму и убѣгу, провалъ васъ возьми!» Но здѣсь же онъ неминуемо долженъ былъ сознаваться, что ни посѣтители его никуда не провалятся, ни онъ никуда не убѣжитъ. И съ этимъ грустнымъ свойствомъ его знакомы были всѣ парашкинцы, во всѣхъ трехъ деревняхъ, составлявшихъ ихъ «опчество»; даже Иванъ Заяцъ, сосѣдъ Фрола, въ своемъ еженедѣльномъ безпамятствѣ, вспоминалъ не писаря и не кого другого, а Фрола. Проходя мимо избы послѣдняго, съ разодранной рубахой, сквозь которую просвѣчивало его мѣдное тѣло, онъ считалъ какъ бы своей обязанностью зайти къ сосѣду.

— Фролъ,—начиналъ онъ, озирая избу осовѣлыми глазами.

— Чево?—отзывается Фролъ, ковыряя сапогъ и чувствуя, что уступить просьбѣ пьянаго.

— Пиши къ мировому!

— Насчетъ какихъ дѣловъ?

— Какихъ? Насчетъ, напримѣръ, побіенія меня около волюсти Оедоткой—вотъ какихъ!—нагло объяснялся Заяцъ, вспоминая, что его поколотили.

— Проснись, дурова голова! Колями бы тебя отвозить, такъ ты бы не сталъ лакать винище-то... Уйди! Недосугъ!—съ негодованіемъ возражалъ Фролъ.

Приди Иванъ Заяцъ не въ такомъ неразумномъ видѣ, Фролъ уступилъ бы. Если онъ часто отказывалъ Ивану Заяцу въ просьбѣ, то лишь потому, что послѣдній и самъ забывалъ о только-что случившемся побіеніи его Оедоткой. Чаше же всего случалось, что Фролъ бросалъ распоротый сапогъ и шило, шелъ къ столу и безропотно начиналъ возить перомъ по загаженной мухами бумагѣ. Если его грамотность и поражала всегда неожиданнымъ сочетаніемъ буквъ, вслѣдствіе чего мѣстный мировой судья постоянно «помиралъ со смѣху», читая Фролово писаніе, тѣмъ не менѣе многочисленные почи-

татели Фрола считали себя вполне удовлетворенными и доказывали свое удовольствіе гонораромъ, неизвѣстнымъ ни одному адвокату въ мірѣ.

Что касается «опчества», то Фролъ положительно никогда ему не отказывалъ. Былъ-ли онъ занятъ чѣмъ, метался-ли подобно угорѣлому, справляя какую-нибудь домашнюю страду, но лишь только обращался къ нему съ просьбою сходить, онъ бросалъ все и шелъ на сходить. Всѣмъ извѣстно было, что на сходить по доброй волѣ онъ бывалъ рѣдко; если же и случалось ему тамъ присутствовать, то онъ всегда старался забиться въ самый дальній уголъ и молчалъ, рѣдко бросая робкое слово въ общую кучу воплей; по большей же части онъ былъ приводимъ туда силой. Когда на сходить замѣчалась нужда въ какой-нибудь важнаго значенія «письменности», то немедленно всѣ рѣшали: привести Фрола. Отряжался депутатъ къ Фролу. Но Фрола, напримѣръ, дома не было; депутатъ шелъ туда, гдѣ онъ былъ. Фролъ былъ, напримѣръ, на гумнѣ; депутатъ шелъ на гумно. Приходя туда, депутатъ садился на краю тока, на которомъ разложены были снопы ржи, и начиналъ, напримѣръ, такъ:

— Богъ помочь, Фролъ!

— Спасибо, угрюмо отвѣчаетъ Фролъ, чувствуя недоброе.

Минута молчанія.

— Рожь?

— Рожь.

Молчаніе.

— Суха! говоритъ депутатъ, кладя въ ротъ рожь и начиная жевать.

— Давно въ овинѣ.

Молчаніе.

— Надо полагать, скоро смолотишь.

— Кто знаетъ! возражалъ Фролъ, яростно колотя цѣпомъ по снопамъ и тоскливо ожидая, что вотъ-вотъ его возьмутъ и уведутъ.

— А мы къ тебѣ, Фролъ.

— Чево еще?

— Да тамъ, на сходѣ, извѣстно—письменность. Думали—такъ; ну, нельзя; бають, письменность... Ужъ ты сдѣлай милость, пойдемъ.

Фроль молчить и колотить цѣпомъ.

— Ужъ брось молотить-то.

Фроль молчить.

— Тсже вѣдь опчественное дѣло...

— А-ахъ, проваль васъ возьми! А куда я рожь-то дѣну? рожь-то? Свиньи еще слопають, возражаетъ Фроль и перестаетъ молотить.

— Эва! Свиньи! Да мы ребятъ кликнемъ—покараулять... Эй, пострѣлы! сюда! Гляди въ оба, чтобы все въ цѣлости!... Ну, пойдемъ, Фроль.

И Фроль больше не сопротивляется, кладетъ на плеча цѣпъ, въ предохраненіе его отъ «пострѣловъ», и идетъ, какъ военнопленный, за депутатомъ, который съ торжествомъ приводитъ его на «сѣзжую». Тамъ Фроль садится за столъ и нѣсколько часовъ къ ряду возить перомъ по бумагѣ.

Сапоги Фрола подвергались постоянному риску развалиться совершенно, вслѣдствіе его частыхъ переходовъ изъ одной деревни въ другую, входящую въ Парашкинское Общество. Для Фрола такая перспектива—остаться безъ сапогъ и забросить свое хозяйство—была тѣмъ болѣе очевидна, что его хожденія не ограничивались однимъ только Парашкинскимъ Обществомъ; извѣстность его простиралась дальше и выходила за предѣлы наглости парашкинцевъ. Иногда видѣли мужиковъ, пришедшихъ къ нему изъ сосѣдняго общества, и Фроль все равно, въ концѣ-концовъ, вставалъ, надѣвалъ свои полураспоротые сапоги, напяливалъ свой сѣрый, блинообразный картузь на самые глаза и шелъ посреди мужиковъ въ сосѣднее общество для написанія какого-нибудь приговора или для какого-нибудь «ходатайства».

Приговоры были специальностью Фрола. Въ этомъ случаѣ онъ даже и не грубилъ своимъ просителямъ, вполне признавая, насколько вредно поручать сочиненіе приговора писарю или другому кому-нибудь, душа котораго не была приписана

къ обществу; когда приходили къ нему парашкинцы, то онъ не чесался, не ворчалъ, а прямо шелъ на съѣзжую и принимался за чудовищную работу.

Въ особенности нужно было тонкое и всестороннее знаніе закорючекъ, какими старался ошеломить парашкинцевъ сѣдній баринъ, до послѣдняго времени ведшій войну съ героническимъ упорствомъ противъ бывшихъ крѣпостныхъ, а теперь «рендателей» своихъ. Парашкинцы также, въ свою очередь, не уступали барину, никогда не отказываясь отъ права противъ закорючекъ барина поставить свои собственные, при писаніи приговора. Для этого всегда выбирался Фролъ, которому парашкинцы въ этомъ разѣ говорили: «Ну, Фролъ, гляди въ оба! Какъ бы намъ тово... не промахнуться». Фролъ на это неизмѣнно возражалъ: «Ничего, не промахнемся!» И Фролъ съ глубокимъ вниманіемъ изслѣдовалъ закорючки барина, стараясь поставить противъ нихъ въ приговорѣ свои собственные контръ-закорючки. Часто, впрочемъ, войны парашкинцевъ съ бариномъ оканчивались простой перепиской, вносившей волненіе въ обѣ воюющія стороны на время и потомъ прекращавшейся мирнымъ образомъ и безъ письменности. Загонить-ли баринъ парашкинскихъ телятъ, вырубить-ли сами парашкинцы нѣсколько возовъ хворосту изъ барскаго лѣсу, въ томъ и другомъ случаѣ, послѣ взаимнаго озлобленія, обѣ воюющія стороны начинаютъ говорить о мирѣ, убѣждаясь на опытъ, что военныя дѣйствія сдѣлали достаточно опустошеній съ той и другой стороны.

Само собой разумѣется, что для примиренія выбирался Фролъ, который, не заирая на свою любовь къ молчанію, несмотря также на свое негодованіе противъ поведенія «опчества» и барина, не отказывался отъ дипломатической миссіи, шелъ къ лютomu барину и убѣждалъ его наложить контрибуцію на телятъ по-барски, безъ преувеличенія количества опустошеннаго гнилого сѣна. Когда же переговоры оканчивались въ его пользу, онъ забиралъ изъ барскихъ хлѣбовъ парашкинскихъ телятъ и съ шумомъ гналъ ихъ домой. Въ случаѣ же, когда баринъ отказывался взять умѣренный штрафъ

и начиналась безконечная тяжба у мирового, то Фролъ также терпѣлъ не мало, терпѣлъ до того, что наконецъ терпѣніе его изсякало.

— Провалитесь вы и съ телятами своими! говорилъ онъ иногда, сознавая всю недѣйствительность подобныхъ возгласовъ.

— А ты ужъ, Фролъ, не больно... тоже вѣдь опчественное дѣло, возражалъ кто-нибудь Фролу.

И Фролъ на другой же день снова отправлялся къ мировому тягаться за парашкинскихъ телятъ.

Однимъ словомъ, Фролъ пользовался извѣстностью, и не только за свою письменность, но и за свою готовность таскаться по начальству.

Впервые безгласность его проявилась замѣтнымъ образомъ по пріѣздѣ въ Парашкино заѣзжаго барина, изслѣдовавшаго разные ученые вопросы мимопрѣздомъ, за станціоннымъ чаемъ. Баринъ принадлежалъ къ числу тѣхъ праздношатающихся, которые, для пополненія празднаго времени, безъ пути слоняются по захоlustьямъ и изслѣдуютъ вопросы съ точки зрѣнія своей собственной праздности. Это было время, когда только-что возникъ вопросъ: сейчасъ упразднить общину или повременить. Изслѣдователь, остановившійся у парашкинецвъ, этимъ вопросомъ и былъ занятъ. Изъявивъ свое желаніе поговорить съ человѣкомъ знающимъ, онъ скоро увидалъ у себя Фрола, который столбомъ остановился у притолки и ожидалъ приказаній страннаго барина, смущенно перекладывая свой картузь изъ одной руки въ другую.

Послѣ перваго обмѣна привѣтствій, необходимаго для установленія хоть какого-нибудь пониманія между праздношатающимися и приписаннымъ, изслѣдователь началъ интересующій его допросъ.

— Скажи, пожалуйста... да ты что стоишь? Садись, другъ мой.

— Покорно благодаримъ...

— Скажи, пожауйста, какъ у васъ община... крѣпка?

— Это насчетъ чего?

— Не хотите землю дѣлить?

— Не слышать будто...

— Значить, крѣпко держитесь общинныхъ порядковъ? Ну, а не бѣгутъ отъ васъ люди? не покидаютъ землю? не тяготятся вашими порядками?—спросилъ изслѣдователь, довольный тѣмъ, что вопросы такъ быстро разрѣшаются.

— Бываетъ, и въ бѣги даются.

— И много бѣгутъ?

— Бываетъ.

— Такъ, значить, община-то ваша распадается?—спросилъ пораженный изслѣдователь.

— Которые люди въ городъ бѣгутъ, тѣ отъ общества отстраняются, а которые въ общество живутъ, ну, тѣ тутъ и живутъ... отвѣчалъ Фролъ, недоумѣвая, зачѣмъ все это его спрашиваютъ.

— Ну, хорошо, положимъ. Ну, а тѣ, кто въ обществѣ-то остается, не ссорятся?—спросилъ изслѣдователь, убѣжденный, что теперь вопросъ поставленъ прямо.

— Какъ не ссориться! Бываетъ.

— При дѣлѣжъ земли?

— Бываетъ.

— Но развѣ это хорошо?

— Это насчетъ чего?

— Да ссориться?

— Что ужъ тутъ хорошаго!

— Такъ почему жъ бы не раздѣлить землю навѣчно?

— Не знаю ужъ... смущенно проговорилъ Фролъ и замолчалъ.

А баринъ сердится.

— Ну, хорошо,—началъ онъ съ другого конца:—положимъ: не хотите землю дѣлить; крѣпка община. Но развѣ не лучше было бы, еслибы каждый сидѣлъ на своемъ углу и обрабатывалъ бы его какъ ему надо? и землѣ было бы лучше, и человѣку вольно.

— Это точно.

— Значить когда-нибудь раздѣлитесь?

— Не знаю ужъ... Фролъ все свое вниманіе сосредоточилъ на картузѣ, въ то время, какъ лицо его начало дервенѣть.

— Да ты самъ какъ объ этомъ думаешь? вѣдь есть же у тебя мнѣніе?

— Это насчетъ чего?

— Хорошо или худо подѣлать землю?

— Да я что же... какъ опчество...

— Да тебѣ плохо или хорошо жить при этихъ порядкахъ?

— Чего ужъ тутъ хорошаго!

— То-то же и есть; значить, хорошо подѣлать?

— Да какъ опчество...

Баринъ сплюнулъ; лицо его было красно; сколько онъ ни предлагалъ далѣе вопросовъ, путнаго ничего не вышло. На лицѣ Фрола подъ конецъ не свѣтилось никакой мысли и не было ни одного желанія, кромѣ желанія надѣть картузь.

Безгласность Фрола была ясная, не допускающая ни малѣйшаго сомнѣнія. Но помимо ея было еще что-то; помимо ея, въ его неопредѣленныхъ отвѣтахъ слышалось прямое изумленіе, до того полное, что оно, въ концѣ-концовъ, перешло въ деревянность. Между бариномъ и Фроломъ Пантелѣевымъ было, очевидно, полное непониманіе, и говорили они на разныхъ языкахъ, изумляясь легкомыслію другъ друга; да и трудно было имъ сойтись на какой-нибудь точкѣ взаимнаго разумѣнія. Для изслѣдователя община рисовалась въ видѣ полицейской будки, которую можно упразднить или оставить на мѣстѣ; а для Фрола «опчество» было его собственнымъ тѣломъ, рѣзать которое, само собою разумѣется, больно. Первый могъ спокойно говорить объ упраздненіи, а второй и не думалъ объ этомъ никогда. Мало того, праздный вопросъ объ упраздненіи въ положеніи праздношатающагося былъ совершенно естественъ; тогда какъ второму и предложить себѣ подобный вопросъ было некогда, именно вслѣдствіе необыкновенной праздности этого вопроса. И это еще не все: изслѣдователь вопросъ объ упраздненіи считалъ дѣломъ личностей, даже и праздношатающихся въ томъ числѣ; Фролъ же только одно «опчество» считалъ способнымъ порѣшить вопросъ о разрушеніи «опчества»

Есть основаніе думать, что Фролъ, несмотря на врожденную

въ немъ склонность къ угрюмому молчанію, далъ бы болѣе определенный отвѣтъ, еслибы ученый изслѣдователь не позабылъ одного обстоятельства, предшествовавшего возникновенію вопроса объ упраздненіи. Дѣло въ томъ, что раньше вопроса объ упраздненіи возникли другіе вопросы, не заключающіе въ себѣ ни тѣни легкомыслія и сводившіеся къ слѣдующему: что лучше, владѣть ли одной десятиной «сопчѣ» или въ одиночку и нераздѣльно? Еслибы изслѣдователь предложилъ этотъ первобытный и необыкновенно реальный вопросъ, то Фролъ отвѣтилъ бы на него разумнѣе и определеннѣе. Можетъ быть, онъ сказалъ бы, что владѣть одному десятиной и разводить на ней капусту гораздо лучше, чѣмъ владѣть ею сообща и сѣять на ней рожь; можетъ быть онъ подумалъ бы наоборотъ, а можетъ быть, не долго думая, онъ сказалъ бы, что несравненно лучше всего прочаго плюнуть на эту десятину и «даться въ бѣга». Во всякомъ случаѣ, эти отвѣты способны были бы въ большей степени удовлетворить всякаго праздношатающагося. Но Фролъ не слыхалъ такихъ понятныхъ ему вопросовъ.

Почему бы то ни было, вслѣдствіе ли невѣжества Фрола или вслѣдствіе забывчивости ученаго изслѣдователя, но послѣдній ухалъ въ сильномъ раздраженіи отъ парашкинцевъ, удивляясь всю дорогу до слѣдующей станціи неспособности ихъ связно отвѣчать на самые простые вопросы. Такъ Фролъ и остался нѣмымъ для изслѣдователя. Самъ же по себѣ Фролъ скоро оправился отъ смущенія, въ особенности, когда онъ пришелъ домой и принялся зачинивать распоровшійся сапогъ и когда вечеромъ того же дня въ его избу пришелъ староста и сказалъ: «Фролъ! пойдемъ на сходъ—письменность», то Фролъ тотчасъ же надѣлъ сапогъ и пошелъ вслѣдъ за старостой, причемъ ни староста, ни кто другой не замѣтили на лицѣ его деревянности, потому что онъ сказалъ:

— Провалитесь вы!

Въ концѣ лѣта того же года, послѣ сбора урожая, который «позволилъ ожидать бѣльшаго», совершилось событіе, подѣйствовавшее на Фрола оглушающимъ образомъ; оно до того